

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Ч.Т. Айтматов

В романах Чингиза Айтматова отражен путь от «простого советского человека» к «человеку трудолюбивой души». В начале этого ряда стоит повесть «Прощай, Гульсары!» (1966), затем идет роман «И дольше века длится день» («Буранный полустанок») (1980), а завершает его роман «Плаха» (1986).

Главные герои этих произведений родственны друг другу. И табунщик Танабай («Прощай, Гульсары!»), и путевой обходчик Едигей («И дольше века длится день»), и чабан Бостон Уркунчиев («Плаха») относятся к той породе простых, внешне незаметных и зачастую не замечаемых людей, на которых мир держится. Например, если б путевой обходчик Едигей не сметал бы в летний зной песок, а в зимнюю стужу снег с дороги, соединяющей центр и космодром, не было бы никаких великих свершений в космосе. Этот образ-символ — человек с метлой или лопатой, расчищающий дорогу между Землей и Космосом, — в высшей степени характерен для художественной системы Айтматова.

Вопреки соцреалистическому постулату об ответственности человека перед историей, тяжкими судьбами своих героев Айтматов утверждает идею ответственности истории перед ее главным творцом, рядовым тружеником. В романе «И дольше века длится день» исторически конкретная современность с ее острейшими социальными, нравственными, психологическими конфликтами освещена, с одной стороны, теплыми лучами памятливого народного сказания, а с другой — холодным, предостерегающим светом новейшей фантастической антиутопии. В таком стереоскопическом пространстве существует путевой обходчик Едигей Жангельдин, которого Айтматов назвал человеком трудолюбивой души: он не может не отозваться на слезу чужого ребенка, не может он не откликнуться на горе других народов, его не могут не тревожить беды, угрожающие всему человечеству. Это человек, хранящий в своей памяти древнюю легенду о манкурте — рабе, насильно лишенном памяти и убившем свою родную мать. Но за современными манкуртами стоит мощь государственной машины. Это она превратила родовое кладбище в космодром. Отношения между этими двумя пространственными образами — кладбищем и космодромом — очень существенны в общей концепции романа Айтматова. Кладбище — символ старины и памяти о прошлом, космодром — символ новизны и порыва в будущее. Но со стартовых площадок, поставленных прямо на могилах забытых предков, звездные корабли не уходят в будущее, с них лишь взлетают боевые ракеты, предназначенные образовать вокруг планеты новое «шири», непроницаемое кольцо, которое будет препятствовать возможным контактам между землянами и другими цивилизациями, — обнесут весь мир новой «Берлинской стеной».

В «Плахе» переплелись еще сложнее, чем в «Буранном полустанке», современность и библейская легенда, жизнь людей и жизнь попираемой ими природы, высокие философские споры и злободневные «производственные» коллизии. И в этом контексте образ «человека трудолюбивой души» предстает более наполненным, а судьба — трагичнее, чем в «Буранном полустанке». В определенном смысле действие романа «Плаха» начинается с того, чем завершился «Буранный полустанок». Два главных героя романа, семинарист-расстрига Авдий Каллистратов и бригадир овцеводов Бостон Уркунчиев, вступают в борьбу со злом, злом могучим, агрессивным, опасным; имя ему — бездуховность. Лики у этого зла разные, но тем оно опаснее. По Айтматову, главное зло, которое мешает свободной, хозяйской, творческой, одухотворенной жизни, — это социалистическая демагогия, а точнее, те, кто ее насаждает, и те, кто ею прикрывается. За экологические подлости базарбаев и политические глупости кочкорбаевых расплачиваются бостоны, и расплачиваются страшной ценой. Такова логика отношений между честным тружеником, с одной стороны,

политическим демагогом и бездельником — с другой, какой ее раскрывает Айтматов. Ведь выстрел Бостона, поразивший насмерть маленького Кенджеша, которого уносила волчица Акбара, стал выстрелом в самого себя, стал самоубийством. Потому что Бостон этим выстрелом перебил нить своей судьбы в бесконечной пряже поколений. Отец, переливаясь в сына, продолжал себя в нем; сын, опираясь на отца, утверждался в жизни. Выстрел Бостона положил конец всему.